

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Никиты Валерьевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 109 и частью третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

4 октября 2012 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина Н.В.Киселева,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин Н.В.Киселев оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

частей второй и третьей статьи 109 «Сроки содержания под стражей», устанавливающих, что при невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев срок содержания под стражей может быть

продлен судьей до 6 месяцев; дальнейшее продление срока допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела – до 12 месяцев, а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев;

части третьей статьи 237 «Возвращение уголовного дела прокурору», согласно которой при возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого; в случае необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 данного Кодекса.

Как следует из представленных материалов, Н.В.Киселев был задержан 2 августа 2010 года по подозрению в совершении преступления. Постановлением судьи от 4 августа 2010 года ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которая в дальнейшем продлевалась несколько раз – до 2 августа 2011 года. Оконченное расследованием уголовное дело в отношении Н.В.Киселева, обвиняемого в совершении преступлений, было направлено для рассмотрения по существу в Волгоградский областной суд 8 июля 2011 года, до истечения срока содержания его под стражей, который был установлен на стадии предварительного расследования.

22 марта 2012 года Волгоградский областной суд, руководствуясь статьями 237 и 256 УПК Российской Федерации, удовлетворил ходатайство государственного обвинителя и вынес постановление о возвращении дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, продлив срок содержания Н.В.Киселева под стражей до 11 апреля 2012 года. Затем этот срок был продлен до 13 апреля 2012 года. Устанавливая срок содержания под стражей, судья исходил из того, что время, в течение которого уголовное дело находилось на рассмотрении в суде, не учитывается при определении сроков нахождения под стражей при производстве

следственных и иных процессуальных действий после возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Нарушение своих конституционных прав заявитель усматривает в том, что оспариваемые законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют суду при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом продлевать срок содержания обвиняемого под стражей без учета времени его содержания под стражей в период судебного производства, вследствие чего превышаются максимальные сроки содержания под стражей, установленные частями второй и третьей статьи 109 УПК Российской Федерации, что, по мнению заявителя, противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 18, 21 (часть 2), 22 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3).

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

По смыслу статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и признаваемое Всеобщей декларацией прав человека (статья 1), воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии. Названное право, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13 июня 1996 года № 14-П, включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением задержания, ареста, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры, без санкции суда, а также сверх установленных или контролируемых сроков. Иное означало бы произвольное ограничение свободы и нарушало бы как требования статьи 22 Конституции Российской

Федерации, так и предписания пункта 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения права на свободу и личную неприкосновенность лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, в предусмотренном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев разумности и соразмерности, с тем чтобы не оказалось затронутым само существо данного права. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П, от 16 июня 2009 года № 9-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П и др.).

Европейский Суд по правам человека также считает, что правовая защита лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу, гарантированное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 5), предполагает соразмерность ограничения этого права, означающую обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности – с учетом презумпции невиновности; при установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов (постановления от 26 июня 1991 года по делу «Летелье (Letellier) против Франции», от 28 марта 2000 года по делу «Барановский (Baranowski) против Польши», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии» и от 29 января 2008 года по делу «Саади (Saadi) против Соединенного Королевства»).

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, а также основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают обязанность законодателя определить в законе время пребывания лица под стражей в соответствии с принципами справедливости и равенства, с тем чтобы исключить возможность произвольного и несоразмерного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

3. Конкретизируя положения статьи 22 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 55 (часть 3) применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания применения этой меры (статьи 97, 99 и 108), а также закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишеного свободы, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного данным Кодексом (часть вторая статьи 10).

При этом Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с учетом установленного им стадийного построения уголовного судопроизводства определяет отдельно для досудебной и судебной стадий процесса различные по продолжительности сроки содержания под стражей.

Так, согласно статье 109 УПК Российской Федерации содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен судьей до 6 месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев (часть третья).

В судебной же стадии действует иной порядок, установленный статьей 255 УПК Российской Федерации, согласно которой срок содержания

подсудимого под стражей в ходе судебного разбирательства не может превышать 6 месяцев (часть вторая); по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суд, в чьем производстве находится дело, по истечении 6 месяцев со дня его поступления в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей, но каждый раз не более чем на 3 месяца (часть третья).

Кроме того, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации определено, что сроки содержания под стражей в период предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства имеют разные точки отсчета: с момента заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу до направления прокурором уголовного дела в суд – на досудебной стадии (часть девятая статьи 109), со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора – на судебной стадии (часть вторая статьи 255); при этом истечение установленного для предварительного расследования предельного срока содержания под стражей, по общему правилу, означает невозможность его дальнейшего продления и обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая статьи 109), тогда как по истечении шестимесячного срока со дня поступления уголовного дела в суд допускается многократное продление срока содержания под стражей (часть третья статьи 255).

Таким образом, продолжительность содержания под стражей на досудебной стадии производства по уголовным делам имеет строго фиксированные ограничения, за пределами которых дальнейшее продление пребывания под стражей не допускается, в то время как для судебной стадии такого рода формальных ограничений, определяющих максимальные сроки содержания под стражей, не установлено.

Это, однако, не означает, что сроки содержания под стражей на том этапе уголовного судопроизводства, который следует за окончанием предварительного расследования, не контролируются. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 марта

2005 года № 4-П, само по себе то, что законодатель, учитывая различную степень сложности уголовных дел и иные обстоятельства, обуславливающие сроки, в том числе длительные, рассмотрения уголовных дел, предусмотрел возможность – при условии соблюдения принципа разумности этих сроков – продления содержания подсудимого под стражей в период судебного разбирательства свыше 6 месяцев, но каждый раз не более чем на 3 месяца, не может расцениваться как чрезмерное ограничение прав и свобод; напротив, адресованное суду требование не реже чем через 3 месяца возвращаться к рассмотрению вопроса о наличии оснований для дальнейшего содержания подсудимого под стражей, независимо от того, имеются ли на этот счет какие-либо обращения сторон или нет, обеспечивает судебный контроль за законностью и обоснованностью применения этой меры пресечения и ее отмену в случае, если необходимость в ней не будет доказана.

4. Раздельная регламентация сроков содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых в период предварительного расследования и подсудимых во время судебного разбирательства предопределяется логикой стадийного построения уголовного судопроизводства.

Утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта) и направление им уголовного дела для рассмотрения в суд по завершении предварительного расследования не влечет автоматического прекращения действия избранной на этапе предварительного расследования меры пресечения. Вместе с тем закрепленная статьей 228 УПК Российской Федерации обязанность судьи выяснить по поступившему уголовному делу в отношении каждого из обвиняемых, подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения, предполагает решение вопроса о наличии или отсутствии оснований для дальнейшего применения заключения под стражу на судебной стадии производства по делу. Соответственно, часть первая статьи 255 УПК Российской Федерации предусматривает, что в ходе судебного

разбирательства суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого.

Продлевая действие меры пресечения либо отказываясь от ее продления, судья не просто соглашается или не соглашается с постановлением о заключении лица под стражу, но принимает решение исходя из анализа всего комплекса обстоятельств, в том числе связанных с переходом уголовного судопроизводства в другую стадию, что может быть обусловлено появлением новых оснований для оставления без изменения или изменения данной меры (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П и от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 25 декабря 1998 года № 167-О и от 15 мая 2002 года № 164-О).

Таким образом, последовательный переход от одной уголовно-процессуальной стадии к другой в ординарном порядке требует принятия отдельного судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – исходя из законодательно установленных для каждого из этапов уголовного судопроизводства пределов. В силу этого исчисление сроков содержания под стражей в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства осуществляется автономно, а потому законодательно не установлен и единый предельный срок содержания под стражей. Соответственно, положения статей 109 и 255 УПК Российской Федерации не предполагают включение времени содержания под стражей на стадии предварительного расследования в срок содержания под стражей на судебной стадии, как и наоборот. В противном случае порядок исчисления сроков содержания под стражей привел бы к взаимозависимости решений об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, принятых судом на досудебной и судебной стадиях, ограничению применения данной меры пресечения вопреки основаниям и условиям ее избрания и продления, а потому ставил бы под угрозу ценности, для защиты которых она избирается (статья 97 УПК Российской Федерации).

5. Особым случаем продления срока содержания обвиняемого под стражей является принятие такого решения при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, указанных в части первой статьи 237 УПК Российской Федерации.

Устранение таких препятствий не связано с восполнением неполноты проведенного предварительного расследования, поскольку Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предусматривает право суда направлять уголовное дело для дополнительного расследования. Таким полномочием наделен только прокурор при поступлении к нему материалов уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом по окончании предварительного расследования (пункт 2 части первой статьи 221 и пункт 2 части первой статьи 226 УПК Российской Федерации).

Возвращение же уголовного дела прокурору судом имеет целью не продолжение следственной деятельности по обоснованию или дополнению обвинения, а приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями, установленными уголовно-процессуальным законом, что дает возможность – после устранения выявленных процессуальных нарушений и предоставления участникам уголовного судопроизводства возможности реализовать соответствующие права – вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу.

В связи с этим, признавая не противоречащей Конституции Российской Федерации часть первую статьи 237 УПК Российской Федерации, как допускающую возвращение уголовного дела прокурору, если это не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что допущенное органами предварительного расследования процессуальное нарушение является таким препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, исключая возможность постановления законного и обоснованного приговора, фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия (постановления от 20 апреля

1999 года № 7-П, от 4 марта 2003 года № 2-П и от 8 декабря 2003 года № 18-П; определения от 3 февраля 2000 года № 9-О, от 2 февраля 2006 года № 57-О, от 13 октября 2009 года № 1149-О-О и от 7 июня 2011 года № 843-О-О).

5.1. Неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на этапе предварительного расследования, предполагает осуществление необходимых следственных и иных процессуальных действий, что – в контексте стадийности уголовного судопроизводства – превращает процедуру возвращения дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, в особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования.

Соответственно, возвращение уголовного дела прокурору не приводит к автоматическому восстановлению избранной ранее на период предварительного расследования меры пресечения, прекратившей свое действие для данного этапа после направления прокурором уголовного дела в суд. В связи с этим на правовое регулирование применения заключения под стражу в случае возвращения дела прокурору в полной мере распространяется сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации правовая позиция, согласно которой в уголовном судопроизводстве, по смыслу статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции Российской Федерации, суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении указанной меры пресечения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на какой стадии уголовного судопроизводства эти решения принимаются (Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П).

Для решения вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого и продления меры пресечения в виде заключения под стражу на данном этапе движения уголовного дела требуется установление судом с участием

заинтересованных сторон правовых и фактических обстоятельств, подтверждающих наличие как общих нормативных оснований для избрания мер пресечения, предусмотренных статьями 99 и 100 УПК Российской Федерации, так и специальных условий назначения и продления заключения под стражу, закрепленных в статьях 108 и 109 данного Кодекса, а также в части третьей его статьи 237.

По смыслу части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации, суд, решая при возвращении уголовного дела прокурору вопрос о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, обязан устанавливать разумный срок, необходимый для производства следственных и иных процессуальных действий, учитывая при этом продолжительность содержания обвиняемого под стражей на досудебной стадии процесса с тем, чтобы его пребывание под стражей не превысило предельные сроки, предусмотренные статьей 109 УПК Российской Федерации, и исключая при этом время содержания обвиняемого под стражей со дня поступления уголовного дела в суд и до его возвращения прокурору, сроки исчисления которого определены статьей 255 данного Кодекса для судебной стадии.

Именно такой подход воспринят правоприменительной практикой. Так, в постановлении от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам, что, если имеются предусмотренные законом основания для возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, судье следует в соответствии с частью третьей статьи 237 УПК Российской Федерации принять решение о мере пресечения в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, с указанием срока ее действия; однако при повторном поступлении уголовного дела в суд в общий срок содержания лица под стражей, предусмотренный частью второй статьи 255 данного Кодекса, засчитывается время содержания под стражей лишь со дня первоначального поступления дела в суд до возвращения его прокурору (пункт 23).

Приведенное разъяснение, будучи основанным на принципе раздельного исчисления сроков содержания под стражей обвиняемого в ходе производства в суде, с одной стороны, а с другой – при возвращении уголовного дела прокурору, по существу, направлено на то, чтобы исключить при повторном поступлении дела в суд учет периода содержания под стражей во время устранения препятствий его рассмотрения судом, устанавливаемого, по смыслу части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации, в пределах сроков, предусмотренных для стадии предварительного расследования. Иное истолкование норм уголовно-процессуального закона означало бы необоснованное ограничение срока содержания под стражей, отдельно отведенного статьей 255 УПК Российской Федерации для судебной стадии уголовного судопроизводства.

По той же причине недопустим и двойной учет срока, в течение которого подсудимый содержался под стражей ранее – со дня первоначального поступления уголовного дела в суд и до его возвращения прокурору по предусмотренным статьей 237 УПК Российской Федерации основаниям; такой двойной учет имел бы место в случае включения этого периода времени еще и в сроки, предусмотренные статьей 109 данного Кодекса для стадии предварительного расследования.

6. Таким образом, взаимосвязанные положения частей второй и третьей статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК Российской Федерации не содержат неопределенности, поскольку в системе действующего правового регулирования и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не предполагают при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом произвольного, не контролируемого судом и несоразмерного продления сроков содержания под стражей, превышающего предельные сроки содержания под стражей на этапе досудебного производства по уголовному делу, а потому не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя в указанном им аспекте.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Никиты Валерьевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1853-О